

УДК 101.1: 316

Яковлева Елена**В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЭПАТАЖ КАК СЛЕД
СОВРЕМЕННОСТИ/СО-ВРЕМЕННОСТИ**

В статье рассматривается один из современных методов поиска идентичности, связанный с эпатажным поведением как специфического следа. Парадоксальность подобного метода проявляется в том, что он являет собой одновременное начертание и стирание, что не способствует обнаружению идентичности, а усугубляет кризисность.

Ключевые слова: идентичность, эпатаж, след, медийный спектакль, уже-сделанный-вымышленный-образ.

Яковлєва О.**В ПОШУКАХ ИДЕНТИЧНОСТІ: ЕПАТАЖ ЯК СЛІД
СУЧАСНОСТІ/СПІВ-ЧАСНОСТІ**

У статті розглядається один із сучасних методів пошуку ідентичності, пов'язаний з епатажною поведінкою як специфічним слідом. Парадоксальність подібного методу проявляється в тому, що він є одночасним накресленням та стиранням, що не відповідає виявленню ідентичності і посилює кризовість.

Ключові слова: ідентичність, епатаж, слід, медійний спектакль, уже-зроблений-вигаданий-образ.

Yakovleva E.**IN SEARCH OF IDENTITY: EPATAZH
AS A MODERN/WITH-MODERN TEMPORALITY**

The article describes one of the modern methods of finding identity associated with the epatazh behavior as a specific trace. The paradox of this method is that it is a simultaneous inscription and erasure, which does not help detect identity and adds to the crisis.

Keywords: identity, epatazh, a trace, a media spectacle, already-made-a fictional image.

В современном мире, пронизанном разного рода кризисами и динамическими изменениями, потерями социальных «опор» в виде нации/коллектива/семьи, человек начинает ощущать опустошенность своего существования. Все в его жизни становится ненадежным, нестабильным, временным и подвижным. Сам человек находится в состоянии переходности-к: с ним начинают происходить бесконечные перемены, вследствие которых он постоянно оказывается в новом качестве, теряя самого себя и свою идентичность. Подчеркнем, after-postmoder'нистские поиски идентичности осуществляются необычными, порою паралогичными методами, в том числе посредством эпатажа, становящегося объектом исследовательского интереса.

В современности проявление себя в виде следа в мироздании выступает как мания, перекрывающая пути и возможности познания [1]. Нередко след связан с эпатажным поведением, «криком» о себе, облакаясь в медийный спектакль или лайфлоггинг, где иллюстрируется не человек в бытии-для-себя, а человек – как уже-сделанный-вымышленный-образ в бытии-для-других. Эпатаж представляет собой трансгрессивный шаг, нагло рвущий границы традиционного, дозволенного, привычного. Он, преодолевая существующий запрет посредством провокационного вызова, претендует на сенсацию, а значит известность, славу, материальное вознаграждение и пр. Цель эпатажа, сопровождающегося демонстративно-скандальным поведением и шокирующими выходками, связана с привлечением внимания к собственной персоне, попыткой осмыслить себя и обнаружить свою идентичность.

Эпатаж как след являет присутствие человека в бытии. Именно след проводит феноменологическое различие (diference), выявляемое в различии (differance) расового, национального, профессионального, социального, профессионального и другого, что трансформирует реальность в состояние дигитальности. При этом след, как и все в Зазеркальной (пост)современности, парадоксален: он олицетворяет не только человека, но и его перечеркивание, то есть «первоначальное прослеживание и стирание». По мнению Ж. Дерриды, «способ начертания такого следа в метафизическом тексте настолько немислим, что его нужно описать как стирание самого следа. След продуцируется как свое собственное стирание. И следу следует стирать самого себя, избегать того, что может его удержать как присутствующий. След ни заметен, ни незаметен»

[2, с. 21]. Таким образом, следуя логике размышлений Ж. Дерриды, след вместо обнаружения себя и своей идентичности дает отрицательный результат: он есть неустойчивое состояние, можно сказать – мерцание, проявляющее человека как «зачеркнутого человека» в его отражении и имитации, собственного стирания присутствия и отсутствия. Сегодня это подтверждает уже-сделанный-вымышленный-образ, являя в-бытии-для-других постоянно меняющуюся маску, стирающую истинное лицо человека.

Желание быть в фокусе внимания стимулирует выдумывание и театральное режиссирование бесконечных эпизодов жизни. В этом процессе производства историй уже-сделанный-вымышленный-образ как след «запечатлевает себя отнесением к другому следу», поэтому «его собственная сила производства прямо пропорциональна силе его стирания» [2, с. 22]. Из этого вытекает, что все современные эпатажные спектакли сиюминутны: они мгновенно рождаются и также быстро забываются, причем не только реципиентами, но и самими создателями (технологами). Более того, соотношение реального и фантазийного в этих спектаклях нарушено в сторону несуществующего, что вносит «раскол присутствия» в саму эпатажную личность. В бесконечных монологах о себе отсутствует драматургическое развертывание ситуации, объединяются противоречащие друг другу элементы, используются «скачки», нарушающие переход от одного рассуждения к другому, главенствуют абсурд и «черный юмор», мотивы телесности и соблазна. Созданный спектакль представляет собой ризоматичную конструкцию без детального драматургического плана: его сценарий постоянно корректируется в зависимости от обстоятельств. Но привлекательным этот спектакль делают элементы недосказанности, секретности, чудесности, что осуществляется с помощью сюжетной канвы, построенной алогично, фрагментарно, клипово, но преподнесенной эмоционально и эффектно визуализированной. Подчеркнем, уже-сделанный-вымышленный-образ технологичен: в нем практически нет места естественному, зато преобладает искусственное, созданное специально и акцентированное дигитальными технологиями. В итоге рождается симуляция будто-жизни уже-сделанного-вымышленного-образа: умирая как естественная личность (перечеркивая себя), рождается искусственный персонаж, живущий театрально, напоказ и провоцируя интерес к себе посредством эпатажа.

Медійні спектакли і лайфлогінг є нічим іншим, як «тщетні притворні спроби породити якусь-то життя поміж той, котра вже існує», що в результаті сприяє «безрізницю до власному існуванню» [3, с. 8] і ще більшому стиранню/перечеркуванню себе. Через ЗМІ і Інтернет спектакли миттєво стають достоянням широкіх мас, активно обговорюються, не піддаючись ніякому сумніву. Проблема в тому, що вже-зроблений-винайдений-образ самодостаточний: він, внедряючись в свідомість людини, незаметно заповнює його внутрішній світ і починає керувати світом цінностей, стаючи «цензором прийнятної або неприйнятної, видимої, броскої в очі або втраченої в тіні, витисненої, ігноруючої» [4, с. 40]. В результаті виникає нова ситуація, коли не люди мислять образами, а, навпаки, *образи думають людьми*. Друге питання, що вже-зроблений-винайдений-образ являє нам імморалізм: він нагль, трансгресивний і паралогічний, створює світ антицінностей, в межах якого стебає над культурою. Він живе по особливим еґотистичним принципам, не рахуючись з Другим, що ще раз підтверджує ідею М. Фуко про те, що совість зовсім надлишковий інструмент Суб'єкта. Але при цьому в його проступках немає провини, тому що Суб'єкт отождествлює себе з образами, до яких раніше не було нічого, включаючи і самого суб'єкта. В результаті внедрення і поширення подібної симулятивно-імморальної інформації починає відбуватися трансформація образу життя людей і їх світоглядів, спотворюється шкала духовних цінностей і втрачається ідентичність, виникає ситуація «прозорості зла».

Усилює «прозорість зла» сучасна тенденція, пов'язана з модою на еґотаж. Тут так само необхідно розставити певні акценти. мода – тимчасово-скользячий, ефемерно-ідеологічний зразок. Як справедливо пише Ж. Бодрийяр, виступаючи «глибинним соціальним механізмом», вона пов'язана з «розпадом раціональності», в результаті чого «розум потрапляє до влади простого, чистого чередування знаків», стаючи «несучасним» явищем [5, с. 117]. Більше того, мода рекурсивна [6]: вона нескінченно повторюється, повертаючись до «уже минулого», вільно комбінуючи свої складові і експлуатуючи принципи задоволення і реальності (втілення).

Модные тенденции проявляются во всем облике уже-сделанного-вымышленного-образа, конструируя его имидж, приспособленный для разного рода представлений: он делает видимым/невидимым то, что необходимо показать/спрятать. Имидж искусственен: в нем нет индивидуальности и все подогнано под модные стандарты. Цель подобной художественной искусственности – стать известным, поднять рейтинг популярности, произвести благоприятное впечатление и пр. Можно сказать, что имидж есть театральная маска, прагматично подстраивающаяся под ситуации. Неслучайно поэтому к имиджу применимы различные технологии, в том числе дигитальные, благодаря которым он создается, контролируется либо стирается, что соответствует концепту следа и его современности/со-временности.

Осуществляя деконструкцию эпатажной выходки, выявляется ее смысловая симулятивность, высвечивая «смерть человека» (М. Фуко) и его идентичности. Потому что, преследуя идею следа как известности и эксплуатируя низменные инстинкты, обволакивающиеся флером экзистенциальности, технологи создают спектакль с пониженной смысловой нагрузкой и ограниченным спектром значений, смысл которых мифологизирован.

Распространенный сегодня эпатажный спектакль являет собой не лучшее дополнение к миру действительности. Отражая и формируя модные тенденции в образе жизни, он являет повседневность как «дурную бесконечность»: здесь все симулятивно и рекурсивно, смыслы оборваны, опошлены или отсутствуют, есть начала и концы историй напоказ, но нет цельности и завершенности. Современная «звезда ничего», вообразив себя Божеством, ведет себя вызывающе, неадекватно реальности, являя «восстание мертвой вещи». Многие аспекты эпатажного поведения происходят на грани патологии, хотя в действительности у человека не наблюдается никакого расщепления сознания (шизофрении). Свои немислимые мысли, вернее их отсутствие, «звезда ничего» выражает посредством мема (по К.Р. Докинзу, «эгоистичный ген»). Обладая высокой степенью вирулентности, он быстро размножается в социокультурном пространстве подобно компьютерному вирусу. Эпатажные проявления уже-сделанного-вымышленного-образа демонстрируют вместо красоты безобразие, грязь, циничное равнодушие и «черное» отчаяние. Соглашаясь с Ж. Бодрийаром, подчеркнем: смерть реальности, связанная с

симулятивністю, повлекла за собою і смерть мистецтва. Епітажне симулювання сприяє тому, що в мистецтві з'являються подвійні «стратегії: стерти сліди реальності і одночасно протидіяти цьому стиранню» [3, с. 240].

Манія сліда в історії обумовлена багатьма факторами. Во-перших, вона пов'язана з бажанням проявити себе в быті, самоутвердитися, знайти свою ускользаючу ідентичність, являючи одночасне «присутствие-отсутствие» в Dasein. Во-других, слід допомагає отримати гармонію і знайти певну істину, привносячи сенс у життя. В-третьих, духовна порожнеча сучасного людини і його повне нічого не зроблено в результаті створення видимості роботи породжують екзистенціальну скуку, і епітажний слід виступає як ілюзія динаміки життя. Замість, задоволення від подібного способу самовираження отримують небагато і тимчасово. Справа в тому, що світ гламура як нескінченно продовжується свято привабливий, і, щоб не загубитися в ньому, необхідно постійно підтримувати інтерес до себе, в тому числі шляхом створення епітажних епізодів як рекурсивних перешкодок самого себе. Само бытие Dasein в контексті епітажа-в-епітажності виступає симуляцією «мистецтва Быть» [7]. В результаті людина, не здатний закрити кінець безглуздої гри, губить самого себе, «саме само» (Лосев А.Ф.).

Підводячи висновки, підкреслимо: епітаж являє певний слід в быті культури, в якому закладено як позитивні, так і негативні імпульси. С однієї сторони, епітаж сприяє народженню нового, стимулюючи подальше розвиток. Але з іншої сторони, епітаж паразитує в сучасності на духовній порожнечі і імморалізмі. Епітаж стає все більш звичним явищем, не вимагаючи від реципієнтів рефлексивності. Він нагло рвет нити традиції і порушує будь-які межі, втілює святковий і святковий безглуздя, формуючи пасивний тип споживача, приймаючого все до сведения як заклик: «Поступай аналогічно!». В зв'язі з цим сьогодні актуальними стають ідеї постійного навчання/самонавчання (один з девізів сучасності «Live Long Learning»), відродження інтелектуального і морального початку особистості, пошуку духовної основи бытия, сприяючих процесу ідентифікації.

Литература:

1. Яковлева Е. Л. Интерпретация как способ интеллектуального возрождения человека / Е. Л. Яковлева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 10 (36). – Ч. I. – С. 207–210.
2. Деррида Ж. О грамматики / Ж. О. Деррида. – М. : AD MARGINEM, 2000. – 504 с.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М., 2012. – 258 с.
4. Савчук В. В. Философия эпохи новых медиа / В. В. Савчук // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 33–42.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
6. Яковлева Е. Л., Зайченко М. А. Рекурсивная форма движения и ее проявления в культуре / Е. Л. Яковлева, М. А. Зайченко // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155. – Кн. 1. – С. 57–66.
7. Яковлева Е. Л. Техника «деятельной безмятежности» в «искусстве быть» / Е. Л. Яковлева // Международный научно-исследовательский журнал = Research Journal of International Studies. – 2012. – № 5–3. – С. 124–125.